

Я буду любить

 тебя вечно

Лето семьдесят второго выдалось чудовищно жарким. Даже не просто жарким, а удушающим, в Подмоскowie горели торфяники. Москва задыхалась, больницы не справлялись с потоком несчастных сердечников, которым зачастую просто не успевали оказывать помощь — прямо из приемного покоя они попадали в больничный морг.

Но Милочка от жары не страдала: в ее, точнее их с мужем, квартире мерно гудел кондиционер — редкая, почти неизвестная по тогдашним временам вещь. Муж, привыкший, казалось бы, к жизни в жаркой стране, переносил московскую жару на удивление плохо, поэтому и привезли из далекого Баку это громоздкое, но необходимое приспособление.

Да и плотные шторы на окнах были лишними.

Обычно Милочка просыпалась к полудню. Долго лежала с закрытыми глазами,

словно не хотела смотреть на происходящее вокруг. Впрочем, ничего и не происходило — в квартире было оглушительно тихо. Муж давно был на службе, а домработница Зина ходила по дому босиком — не дай бог потревожить хозяйку! Деревенская Зина была непроста — горничные, водители, слесаря и прочий персонал, обслуживающий дипломатов, был «при погонах». А по-другому и быть не могло.

Милочка припомнила, какой сегодня день: четверг! Значит, вредоносной Зинки не будет. Да и слава богу. Кофе она себе сварит, справится. А вечером они с мужем идут на прием, там и поужинают. Впрочем, проблемы питания ее не волновали — сама, как говорится, не едок, а муж почти все вечера по ресторанам. Он так привык еще с холостяцких времен. А в холостяках ее драгоценный супруг ходил много лет. Да не просто в холостяках — женихом он был завидным!

Подумав о нем, о своем благоверном, Милочка громко вздохнула. Вот перевернуться бы на другой бок, закрыть покрепче глаза и... Вставать не хотелось. Потому что знала — сегодня (и завтра, и послезавтра) все будет абсолютно одинаково — утро, день, вечер, ночь. До оскомины на зубах, до тошноты. Ничего нового не случится — сценарий

ее жизни был расписан и утвержден — мужем, судьбой и привычками. Значит, нового ждать не приходилось. А старое было неинтересным.

И все-таки Милочка встала — начинала болеть голова, а это означало, что срочно необходимо выпить кофе — крепкого, сладкого, со знакомой и любимой горчинкой. К хорошему кофе ее приучил муж — сам большой знаток и любитель. Восточный человек, это понятно. Кофе ему доставляли с родины — тот, что продавался в магазинах столицы (если, кстати, еще и продавался!), он не признавал.

В квартире было прохладно и даже холодновато. Жужжал кондиционер. Милочка поежилась, накинула теплый халат, поставила варить кофе и подошла к окну. Распахнув шторы, открыла окно. В ту же минуту в квартиру ворвался шум, запах и жар улицы. Окно она тут же захлопнула — как надоела эта жара! Ей захотелось зимы — морозной, белоснежной, свежей и ароматной от запаха хвои.

Кофе она выпила с удовольствием. А вот есть не стала, открыв высоченный «Розенлев», глянула туда и тут же захлопнула. Ничего не хотелось — ни копченой колбасы, ни черной икры, ни французского сыра.

Выпив кофе, пошла в ванную и долго разглядывала себя в огромное зеркало, висящее

над голубой раковиной. Потом открыла баночку с кремом — французским, дорогущим. С удовольствием вдохнула его запах — земляника и мандарин.

Потом не спеша переместилась в гостиную и прилегла на диван, рядом с которым, на мраморном столике, стоял телефон. Пару минут Милочка смотрела на него, а потом набрала номер. На том конце провода раздался хриловатый и вялый голос.

— Это я, — проговорила Милочка. — Ну как дела?

В общем, начинался день. Ее день — обычный и похожий на все остальные.

Устроившись поудобнее, она принялась слушать подругу. Хотя какую подругу? Подруг у нее не было. Так, приятельницы.

Не то чтобы это было ей интересно. Просто... Это тоже было привычкой. Надо же было как-то начать наконец этот день. Иначе... Иначе можно было рехнуться.

* * *

Свое детство и отрочество Милочка вспоминать не любила — да и что там была за радость! Все было тускло, уныло, тоскливо. Так, что возненавидела она ту жизнь навсегда.

Комнатка в бараке в Орехове-Зуеве. Комбинат, где работала мать. Вся жизнь поселка

крутилась вокруг комбината — камволки, как называли его местные. Шелкопрядное производство братьев Морозовых после революции переродилось в камвольный комбинат. Рабочих селили в бараки, оставшиеся еще с тех дальних времен. Удобств не было — туалет на улице, вода из колонки, а готовили на газовых плитках, стоящих в коммунальных кухнях, периодически меняя баллоны.

Ад — так называла свою молодость Милочка, но только про себя. В той новой жизни, к которой она так стремилась и куда, собственно, и попала, про ее прошлое никто не знал. Той жизни она стыдилась.

Мать работала на камволке — тяжело, сменами. Приползала усталая, с потухшими глазами и серым от пыли лицом. На хозяйстве была бабка Нюра, тетка матери, приехавшая из деревни. Вызвали ее для дела — растить девочку Милочку.

Отца своего Милочка не знала и не видела никогда — мать отмалчивалась, а вредная бабка поджимала губы и выдавала всегда одно и то же: «Сволочь он. Сволочь как есть. И чего про него говорить?»

В детстве Милочка мечтала — вырастет, поедет в Москву и найдет отца. Папу. Папочку. Он, конечно же, ей страшно обрадуется и умилится, что они похожи: ах, какая выросла девочка! Какая красавица — гордость

отца. Он, ее папочка, будет, конечно же, известный и очень богатый — например, артист кино или театра. Большого — других театров Милочка и не знала. Или он может оказаться известным футболистом — они тоже богатые. Или писателем. Какая разница? Главное — что он есть.

Конечно, папочка оставит ее у себя. Никаких сомнений. В большой, нет — в огромной квартире с видом на Кремль. Ну или на Москову-реку. Там будет блестящий паркет, по которому она, Милочка, будет плавно скользить как балерина. У отца будет много вкусной еды — торты, пирожные, шоколадные конфеты. Конечно, мороженое — разноцветное: розовое — фруктовое, белое — сливочное и коричневое — шоколадное. Ешь сколько хочешь, никто слова не скажет.

К нему будут приходить красивые и нарядные гости — актеры, писатели, музыканты. Может быть, даже Майя Плисецкая. Или Сергей Бондарчук. И все они станут, конечно же, восхищаться красавицей Милочкой. А папа будет очень доволен!

Мечты, мечты... Но Милочка верила.

Бабка Нюра целый день торчала на кухне — цапалась с соседками, крутилась у плиты, сплетничала. А после обеда выходила во двор.

Двор был грязным, захламленным старым, ненужным барахлом: колченогими табуретками, поломанными игрушками, сдутыми и рваными футбольными мячами, окурками, огрызками, шелухой от семечек, ржавыми консервными банками и обрывками газет. И никому не приходило в голову его подмести или хотя бы собрать мусор.

Женщины — в основном старые, молодые были на работе — сидели на лавочке, сбитой Восьмого марта, в Международный женский день, добродушными по случаю праздника мужиками. Правда, это было давно, еще до рождения Милочки. Теперь лавка покосилась и почернела, но на повторный подвиг мужики так и не сподобились, как бабы их ни упрашивали.

На улице женщины отдыхали — приглядывали за детьми, щелкали семечки, поносили мужей и сплетничали. Это и было их основным развлечением в тяжелой, горькой и постылой жизни.

Летом во дворе столбом стояла пыль, но никому и в голову не приходило включить шланг и прибить ее водой.

Конечно же, мужики пили. И пили горько, с размахом. Напивались с зарплаты и аванса. В эти «священные» дни многие жены торопились встретить мужей у проходной — а вдруг не успеет пропить? Многие

соседи сидели. Бывали и драки — между супругами, соседями, детьми.

Летом во дворе стояли тазы со стиркой — в бараках нечем было дышать. Во дворе стирали, варили варенье, вынеся из дома керогаз и кастрюли. Тогда в августе и сентябре по двору плыл сладкий запах ягод и фруктов.

На веревках полоскалось от ветра белье — мальчишки, конечно, попадали в него мячом, а женщины с криком бросались за ними.

Милочка ни с кем не дружила. Во двор почти не выходила — зачем? Слушать крики детишек и их заполошных мамаш?

Разборы, скандалы между соседями? Противно. Она ненавидела свой двор, своих соседей, свой городок. Ненавидела все — отвратные запахи дешевой еды — вареной капусты, горелого молока. Звуки рыдающей гармони, пьяные выкрики, громкие проклятия, покосившиеся темные бараки, пыльные и чахлые редкие деревца. Серую от пыли, вытопанную траву.

Она ненавидела все. «Папочка, папочка! — шептала она по ночам. — Пожалуйста, заведи меня отсюда! Очень тебя прошу!»

Спасало то, что бабка Нюра в комнате почти не бывала — то торчала на кухне, то во дворе. Почти до вечера Милочка была хозяйкой в их узенькой темной комнатке — две

кровати, старая раскладушка, со скрипом разбирающаяся только перед сном, иначе в комнате было бы не пройти. На раскладушке спала мать.

Мать возвращалась с работы, и садились ужинать — вечерять, как говорила деревенская Нюра. При этих словах Милочка морщила нос и закатывала глаза.

Нюра обижалась и жаловалась матери. Измученная мать махала рукой: дайте в себя прийти, господи!

От усталости она начинала плакать, но Милочке было ее не жалко. Сама виновата — не смогла удержать отца. Папочку.

На ужин обычно была каша — перловая или пшенная. Или картошка. После зарплаты — с куском колбасы или рыбы. Рыба воняла, от жирной колбасы болел живот. Иногда «подавались» макароны — серые, клейкие. Но — посыпанные сахаром. Их Милочка ела. Отодвинув тарелку с недоеденной кашей, она резко вставала со стула.

— Не нравится, барышня? — Бабка Нюра сверлила ее злобным взглядом. — Ишь, королева!

— Оставь ее, — коротко бросала мать. — Не хочет, да бог с ней! Проголодается — холодное съест.

Но Милочка не ела — на десять копеек покупала себе булочку с маком. Запивала газир-

ровкой из автомата. Да пропадите вы пропадом с вашими кашами!

Пенсию свою бабка Нюра копила, не отдавала. Оплачивала только «квартирные»: «Я у вас тут не за просто так — я на законных!» Но мать молчала — тетка и стирала, и гладила, и толкалась в очередях за продуктами. И как-никак, а готовила. Называла она Милочку Люськой. Так и орала в окно: «Люська, ты где?» Милочка злилась. Имя «Люська» казалось ей простым, каким-то шалавистым — что это за Люська? То ли дело Милочка! Настаивала на Милочке, а вредная бабка смеялась: «Милочка? Да так в деревне коров кличут! Выдумала чего — Милочка!»

А однажды... Стерва эта старая навсегда перечеркнула светлые Милочкины мечты — недобро усмехнувшись и глядя ей в глаза, вдруг выдала:

— Папашу своего ждешь?

Милочка затаила дыхание.

— А ты не жди, девка! Сгинул твой папаша — тю-тю! В тюрьме подход. Собаке — собачья смерть!

— В тюрьме? — глухо спросила Милочка. — В какой тюрьме, баба Нюра?

— В какой, какой? В обныкновенной! Куда людей содят! Нет, не людей — убийц и воров! Вот и папаша твой — убийца!

— Почему? — еще тише спросила Милочка. — Почему он убийца?

— А я почему знаю? — разозлилась Нюра. — Брата своего уколошил! Вот и сел, сволочь такая!

Милочка медленно встала из-за стола и вышла из комнаты.

Бабку Нюру она теперь ненавидела.

И самым страшным было то, что в тот день навсегда рухнули светлые Милочкины мечты. Мечты о том, что отец, папа, папочка, заберет ее из этого ада и пригласит, поведет в новую счастливую жизнь.

Нюра умерла, когда Милочке было двенадцать. Мать горевала: во-первых — единственная и последняя родня, а во-вторых — помощница. У самой сил ни на что не было — камволка забирала все.

Но задышалось им с Милочкой после этого легче. Нюрины накопления нашлись через полгода, когда наконец собрались выкидывать старую кровать. Нычку увидела Милочка — грубый шов на обратной стороне матраса.

Вспороли легко — а там... Куча денег! Красная от возбуждения мать в который раз пересчитывала потертые купюры и не верила своему счастью: «Дочь, а мы ж теперь богачи!»

И принималась мечтать:

— Купим кровать — тебе, новую! А я уж посплю на твоей! Поедем в Москву и справим пальто — мне и тебе, а? А давай холодильник? — вскрикивала мать, улегшись в постель. — А, Милунь? Надоело уж за окно! И будем как люди! А может, — мать замирала, словно боялась это произнести, — может, на море? Как думаешь, дочь?

Милочка громко вздыхала и, не отвечая, переворачивалась на другой бок. А что изменится, господи? Ну пальто. Ну холодильник. Ну даже море! И там они будут как... Нищенки. Считать копейки, отказывать себе во всем. Обедать в душной столовке теми же щами. Жить в таком же бараке.

Потом мать начинала сетовать:

— А как мы будем без Нюры? Мы же с тобой совсем ни к чему не приспособленные!

Конечно, это была полная глупость, потому что зажили они без бабки Нюры хорошо. Не просто хорошо — отлично зажили! Правда, денег им теперь всегда не хватало, то есть кончались они моментально, спустя пару дней после зарплаты. Вести хозяйство мать с Милочкой не умели. Зато теперь они покупали себе все, что хотели, — кексы с изюмом, вафельные тортики, шоколадки, мороженое, докторскую колбасу и шпроты в масле — если удавалось достать. И еще — сгущенное молоко, Милочка его обожала.

Мать приходила с работы и, растерянно улыбаясь, выкладывала из сумки все эти вкусности. Так и ужинали — шпроты с хлебом и чай с тортиком. Красота! И никто больше не ворчал, не шипел, не ругал маму и не обзывал ее бестолковой неумехой, дурочкой и транжирой.

Мать, кстати, тоже словно освободилась от вечного бабкиного ворчания и скандалов («Я тут паху на вас, а вы?»), сбросила с плеч тяжелый груз, стала улыбаться и даже изредка что-то напевать себе под нос. Правда, когда теперь она раскрывала кошелек, то сразу расстраивалась и бледнела.

— Как же так, Милочка? — удивлялась она. — И как мы дотянем до зарплаты?

Милочка беспечно махала рукой:

— С голоду не помрем! Как-нибудь, мам!

— Как-нибудь, — повторяла та и заметно грустнела.

С голоду, разумеется, не помирали — на картошку и макароны всегда хватало. Ели пустую картошку и смеялись.

— Вот она, расплата за удовольствие! — шутила мама. — Нет, все-таки Нюра была права: я жуткая неумеха и совсем безголовая!

— А ты мне такой нравишься, мам! — отвечала Милочка.

И мать улыбалась и молодеда.

Без Нюры была свобода: гуляй — не хочу! Никто не заглядывал в тетрадки с уроками,

никто не зудел за плечом. Не заставлял есть перловую кашу.

В пятнадцать лет Милочка поняла, что она красавица. Как поняла? Да очень просто — на нее обращали внимание, оборачивались. Сосед Пал Васильич при ее появлении громко крякал и сильно краснел, с испугом оглядываясь на свою суровую супружницу Галю. Галя сводила брови и грозила пальцем:

— Я тебе! Старый хрен! Ишь, разохотился! — И тут же начинала смеяться. — Ну посмотри, посмотри! Чё тебе еще остается? Только глазками твоими бесстыжими и лупать! А потомушта... Сам знаешь почему!

Пал Васильич белел и быстро скрывался за своей дверью.

— От же старая кобелина! — теперь уже грустно вздыхала Галя. — Всю жизнь ведь... Никого, сволочь, не пропускал.

Одноклассники не давали Милочке проходу — подкладывали в портфель записки, оставляли в парте шоколадки или открытки, караулили ее у школы и торчали под ее окнами.

В девятом классе она увлеклась шитьем — девчонки передавали друг другу выкройки, срисованные из «Крестьянки», «Работницы», «Силуэта». Шить у нее получалось лучше всех в классе — даже вредная учительница труда ее хвалила: «Талант у тебя, Иванова! Просто талант!»

За тканями девчонки ездили в столицу. Иногда удавалось «урвать» что-нибудь из косметики: польскую помаду, ленинградскую тушь, лак для волос. А там заодно и гуляли — парк Горького, Сокольники, ВДНХ. Ели мороженое, пили сладкую воду.

Теперь Милочка, по словам матери, «была одета» — появились платья в горох и в полоску, пышные, на подкладке юбки, блузочки в талию. А уж талия у Милочки была будь здоров — всем на зависть!

Подводила только обувь — и дорого, и не достать.

— И в кого она такая? — удивлялись соседки. — Вон, Вера-то совсем обыкновенная! — Они провожали взглядом Милочкину мать. — А Милка у нее — высший класс!

Милочка разглядывала себя в зеркале.

— Да, ничего, — скромничала она.

Но «ничего» — это было не совсем то слово, которое было уместно. Была она хороша фантастически — карие, с рыжинкой глаза, изящный и тонкий носик, пухлые губы и нежная смугловатая кожа. Густые, мягкой волной, русые волосы, тонюсенькая талия и высокая, большая, не по годам, грудь. Ну и стройные, очень стройные и красивые, длинные ноги.

Училась Милочка средне — науки были ей неинтересны — ни точные, ни гуманитарные.

Читать она не любила, к музыке была равнодушна. Увлечения девчонок стихами не понимала и не разделяла, считая все это полными глупостями. Она вообще ко всему была равнодушна. Ко всему и ко всем. О чем она мечтала? Да она бы и сама сформулировала это с трудом. О любви? Да как-то... Не очень. О хорошем муже, о детях? Нет, замуж ей не хотелось, дети раздражали. А, вот! Милочка мечтала жить *красиво*. Безбедно, сытно, нарядно.

В красивой жизни она понимала немного — так, впечатления от иностранных фильмов, редких журналов, да, пожалуй, и все.

Но — знала точно — красивая жизнь есть! И кстати, где-то совсем рядом, недалеко. Скорее всего, в столице, в Москве. А это рукой подать! Только с умом надо к этому подойти. Вот тогда и получится.

Плюс — есть у нее кое-что поважнее семьи или там образования. У нее есть красота. А с этим богатством все достижимо, не правда ли? Особенно если вспомнить старые сказки, «Золушку» или там — Милочка задумывалась — что еще? В литературе она была не сильна.

Любила она, пожалуй, только мать — единственного близкого человека. Но и к матери относилась с легким презрением — скучно, тоскливо и даже страшно проживала та свою жизнь, в нищете, тяжелом труде, в вечном

подсчете копеек, в вечном страхе — перед начальником цеха камволки, перед Нюрой, перед соседями. Даже от участкового Мишки, горького пьяницы, шарахалась. Спрашивается — почему? Что она такого сделала, чтоб бояться этого уroda? Всех боялась, перед всеми заискивала.

Продавщица в молочном вечно подсовывала ей просроченный кефир. Обнаруживалось это только дома — там, в магазине, матери было неловко посмотреть на срок изготовления. Милочка пеняла ей, что она трусиха и растеряха, требовала вернуть брак обратно. Мать начинала плакать и отказывалась идти разбираться.

— Кого ты боишься? — негодовала дочь. — Эту тварь?

Милочке было пятнадцать, когда она не выдержала и сама отправилась в молочный. Подойдя к прилавку, со стуком шмякнула бутылку с кефиром и бросила пачку с творогом.

— Угощайся! — сказала она наглой и высокомерной продавщице.

Та, известная хамка, оторопела. Очередь замерла, а Милочка, прищулив глаза, повторила:

— Ну что же ты? Растерялась? Угощайся! Кефирчику выпей. Может, пронесет, а?

Продавщица засуетилась, покраснела как рак и заменила Милочке кефир и творог.

Милочка удовлетворенно кивнула и удовлетворенно добавила:

— Вот и правильно! Так и дальше делай! — И гордо, с достоинством удалилась под тихий шепот ошарашенной очереди.

С той поры мать никогда не приносила просроченные продукты.

И Гальку, вредную соседку, Милочка поставила «куда надо», та вечно придиралась к матери по всяким пустякам: то чайник забыла выключить, то свет в ванной оставила, то с ботинок в прихожей натекло, то с зонта накапало.

— Не нравится — убери! — цыкнула Милочка. — Возьми тряпку и убери! Весь день на кухне болтаешься, языком чешешь! А люди работают, если ты не заметила!

И вредная Галька заткнулась.

Мать удивлялась, умилялась и, как всегда, боялась.

— Милочка! Я понимаю, ты моя защитница и ты молодец. Но... все же, так грубо... Зачем портить с соседями отношения? Можно же было и как-то помягче...

— А если «помягче», как ты выражаешься, — фыркала Милочка, — тогда лови в супе плевки! Хамы ведь по-хорошему не понимают! Ты что, не заметила?

Милочка часто думала о том, что мать в молодости была симпатичной, да только

всю жизнь в шкафу у нее висело два платья — летнее и на зиму.

— А мне больше не надо! — говорила она.

Не надо... Страшно-то как! Не то страшно, что платьев всего два, а то, что *не надо*. Милочка так не хотела. Да и вообще ей вся эта убогая, нищая, «паучья», скандальная, мелкая и грубая жизнь порядком поднадоела. Противно все это. Мышиная жизнь — не человеческая, а именно мышиная. И она, конечно же, этого избежит! Очень постарается избежать! И это у нее получится, поверьте.

После школы она устроилась на работу в регистратуру медсанчасти. Работа была сменная: день — утро, день — вечер. Отличный график. Да и работа не бей лежачего — найти в картотеке карту больного и, собрав их с десятков, разнести по кабинетам врачей. Правда, и платили копейки — но на чулки, сигареты, польскую тушь и помаду хватало. Матери она ни копейки не отдавала. Та была не слишком довольна, но молчала. Спорить с Милочкой, на чем-то настаивать? Да что вы, о чем?

В медсанчасти за Милочкой принялся ухаживать доктор Ваня — так его называли сотрудники. Был он парнем симпатичным и веселым, без конца травил анекдоты, на взгляд строгой Милочки — пошлые и несмешные.

Робея и краснея, пробовал пригласить на свидание. Милочка, осмотрев его с головы до пят и почти заморозив ледяным и презрительным взглядом, усмехнулась:

— И что?

Растерянный Ваня молчал.

— А дальше-то что? — повторила Милочка с еще большим презрением.

— В каком смысле? — наконец выдавил неудачливый кавалер.

— Да в прямом! — жестко ответила та. — Что ты, например, можешь мне предложить?

Ваня удрученно молчал, лихорадочно думая, чем бы удивить эту красивую и необычную девушку.

Понимая, что попадет в немилость, жалко пробормотал:

— Ну... В кино, например. Или в кафе! А хочешь — в Москву мотанем! А, Мил?

Милочка рассмеялась:

— В кино? На рваных креслах слушать, как впереди и сзади сношаются? Как катаются бутылки между рядов? Мат трехэтажный? Нет уж — уволь! — Она помолчала. — В кафе, говоришь? Тоже дело! Липкий стол, портвешок и пирожные с кислым кремом? И та же компания, что и в кино. Здорово, да? Ну просто мечта всей моей жизни! Ну, допустим — у нас все получится. Слюбимся, как говорила моя бабка Нюра. Ну а что потом?

Опустив глаза в пол, Ваня молчал.

— Так вот, про потом, — оживилась Милочка. — Соберем мы на свадьбу, предположим, хотя и трудно будет. Зарплата-то у тебя — сам понимаешь. На дешевое платье соберем, на дешевый костюм. На дешевые кольца. Сыграем свадьбу — все в той же вонючей «Ромашке». Все напьются, набьют друг другу морды, потом помирятся. Потом снова набьют — ну ты же знаешь, как это бывает. А потом, Ванечка... Потом мы переедем к тебе! Да-да, к тебе — в общежитие! Ко мне-то некуда — места нет, да и мама. А у тебя — комнатуха в шесть метров. Ни мебели — да и куда ее ставить? — ни люстры, ни тумбочки и ни шкафа. Где брать? Снова копить! И ждать — долго ждать, когда тебе *выделят* комнату! Не в общежитии, а в бараке — там-то будет своя! Своя, Вань! Возможно — побольше! Метров восемь или, допустим, десять.

А дальше? А дальше — *всё!* Ну и начнем мы копить — на шифоньер. На телевизор. На холодильник. На сапоги и пальто. На отпуск не хватит — какой уж тут отпуск? Ну мотанем к твоей родне в деревню — милое дело! А там — огород, хлев, дороги размыты, потому что дожди. Да! Ребеночек народится — куда ж без него? Так ведь положено, правда? Без него будут косо смотреть соседи, родня. Мне-то, Ваня, конечно же, наплевать... А тебе? Ну

и дальше будем колотиться — в той же лачуге, в той же нищете. Только теперь — с ребенком.

Ты когда меня начнешь ненавидеть, Ваня? Молчишь? А ты подумай! Хорошо, я скажу сама. Я тебя — месяца через два после свадьбы этой убогой. Ну а потом ты запьешь — здесь у нас по-другому и не бывает, потому что жизнь такая собачья, ты мне поверь! Все пьют, Вань! Оглянись! Ну и еще, — она недобро усмехнулась, — знаешь, в кого я превращусь? А, не знаешь! В склочную и мерзкую бабу. Как Лидка-санитарка. Как тетя Дуся — повариха. Как соседки мои и твои. А ты... Ты, Ваня, ты тоже... Брюхо наешь — обязательно, на картошке-то, а? Полысеешь. Озлишься. На все — на эту жизнь, на меня. Потому что тоже начнешь меня ненавидеть: ною, как пила. Придираюсь. Недовольна всем и всегда. Ты — меня, я — тебя... Такие дела. — Милочка замолчала и громко выдохнула. — Ну как, Вань? Хорошо?

Он, не глядя на нее, коротко мотнул головой:

— А по-другому, Мил? Не бывает?

— Нет, Ваня! — уверенно ответила она. — Здесь — не бывает. Я всю жизнь здесь живу! И вижу, что происходит вокруг. Не бывает! Потому что, — она помолчала, — в хлеву и живут по-скотски. Иначе нельзя. Ты вот как хочешь, а я... Я, Ваня, буду жить по-другому!

Ты меня слышишь? А не получится — лучше в петлю. Не по зубам я тебе, доктор Ваня! Ты уж прости. Не по зубам.

— А кому по зубам? — зло спросил он. — Подобрала уже?

— Нет пока! — рассмеялась Милочка. — Но подберу! Ты не волнуйся!

— Наполеоновские у тебя, Мила, планы! — усмехнулся он.

— Ага! — беспечно ответила Милочка. — Именно так! А что тут плохого?

Ваня кивнул:

— Ну да! Рыба ищет, где глубже. Я понял. А человек...

Она его перебила и повторила:

— А что тут такого? На то он и человек, а не рыба. На то у него и мозги!

И, круто развернувшись, Милочка пошла прочь.

Обескураженный молодой доктор Ваня растерянно смотрел ей вслед. Ваня, лучший и перспективный жених в поселке. А тут... такой вот конфуз...

* * *

Милочка тосковала. Она знала и понимала, что рядом — совсем рядом, только протяни руку! — есть совершенно другая, радостная и прекрасная жизнь. Но как? Как выйти

на эту дорожку? Как попасть туда, в это волшебное Эльдорадо, где вкусно пахнет французскими духами, хорошими сигаретами, натуральной кожаной обувью, шоколадом и спелой клубникой? Ах, если бы она была студенткой... Например, Института иностранных языков, что на Остоженке. Как хороши они, эти девицы! Как одеты, как держат себя — королевы! Как важно потягивают «Шампань-Коблер», затягиваясь тонкой сигаретой! А если честно, ни одна ей не годится в подметки.

Там, в институте, в кафе, эти девицы и знакомятся со своими кавалерами. А где знакомиться ей, Милочке? В медсанчасти, где шаркают тапками вонючие деды?

А ее наряды? Это мама думает, что ее дочь — куколка. Заблуждается мама. Все эти юбочки из дешевого ситца, сатиновые кофточки — жалкая подделка! А обувь? Счастье, если румынская или чешская. И ее не достать. А эти чертовы духи, пахнущие дешевым мылом? А жизнь, между прочим, проходит...

Вырваться бы из этой серости, тусклости, затхлости. От этой убогости, из этого ада! От этих тетягаль, иванвасильевичей, марьянн. От их нестерпимых запахов щей и котлет, от сохнувшего в ванной омерзительного, потрепанного, перештопанного белья. От их склок, зависти, нищеты. Бедная мама... Чему

она радуется? Отрезу ситца, тощей курице, «оторванной» в очереди? Новым набойкам на босоножках? Клеенке в пошлый цветочек, пахнувшей всеми химзаводами мира? Мама, мама... Как нелепо ты прожила свою жизнь. Но я, твоя дочь, достойна лучшего. И оно, это лучшее, у меня будет! Поверь.

* * *

В восемнадцать Милочка прижала мать к стенке:

— Давай рассказывай! Все без утайки — кто мой папаша и где.

Тайная надежда, что вредная Нюра соврала, оставалась.

Но ничего не вышло. Мечты снова разбились в полный прах. Мать долго сопротивлялась, а потом рассказала: случайная и короткая связь. В Полтаве, у родни, куда ее отправили на летние месяцы. Там и случилась ее первая любовь. Как потом оказалось — первая и последняя. Звали его Виталий.

— Господи, какое пошлое имя! — сказала Милочка и скривила губы.

— Почему? — удивилась мать. — А по-моему, очень красивое!

— Витася, Виталя, Витек — ужас, мам! Очень пошло. Вот если бы Эдуард! Или Аркадий!

В общем, погуляли по красавице Полтаве с месяцок, и уехал Виталька. Куда и на сколько? Сказал, что на пару недель и по делам. Ну а уж когда вернется, там и распишемся.

И мать, дуручка эта, поверила. Виталька, Витасик, Витуля не вернулся. Никогда. Пошла она к его тетке, сестре по отцу. А та удивилась:

— Виталька? Да он же женат, девка! Гуляла с ним? Ох, кобелячья порода, весь в отца! — Кажется, тетка этим гордилась. — Да и жена у Виталика беременная — ребеночек должен вот-вот появиться, — продолжила она. — Езжай, девка, до дому! Вот тебе мой совет. И не ищи его, у него таких, как ты, огород!

А дома Вера обнаружила, что беременна. Тогда и поехала к тетке Нюре в деревню — совета просить. Родня ведь. Та, естественно, в крик. На аборте настаивала — две недели пилила, со свету сживала. Ну а потом смирилась — что с тебя, дуры, взять? Ладно уж, как-нибудь. Переберусь к тебе, дуре. Буду помогать. Как ты одна, с ребенком? Только в петлю.

Все правильно, в те дни Вера часто думала о петле. Вот бы разом, мигом — и все! Но испугалась.

— А кем он был, твой Виталька? — презрительно перебила ее дочь.

— На заводе работал. Наладчиком, кажется...

Наладчиком. Вот уж правда, подарок! Наладчик Виталька. Хотя а что она ожидала от своей матери? Что дурочка эта подцепит профессора или летчика? Смешно. Наладчик Виталька — вот короткое и светлое мамино счастье.

А мать, громко всхлипнув, тихо сказала:

— Ты, доченька, вся в него! Копия просто! Он ведь красавчиком был, мой Виталья.

Ну хоть за это спасибо. Низкий поклон. Эта ведь дурочка могла бы меня и от уroda родить — с нее-то станется! Пожалела бы какого-нибудь убогого и...

— Ну а дальше что было? — спросила Милочка, сведя брови. — Договаривай!

Мать вздрогнула, испуганно посмотрев на суровую дочь.

— Дальше? А что?

— Не прикидывайся! — оборвала ее Милочка. — Дальше он сел! Так или нет?

Мать опустила голову.

— Сел. Я потом, с тобой, с маленькой, в Полтаву ездила — вдруг... К тетке его снова ходила. Ну, та все и рассказала. Про пьянку, про драку. И про топор... Жалко его было, дурака. Так жизнь загубить.

Милочка истерично расхохоталась.

— Тебе его жалко? Этого подонка и уродда? Ну ты даешь! Тогда... — Она на секунду задумалась. — Тогда мне не жалко тебя! Слышишь, не жалко! Совсем!

Мать не ответила.

* * *

На выходные Милочка уезжала в Москву. Иногда ночевала на вокзале — возвращаться домой не хотелось. По Москве просто гуляла — мороженое, кино, Парк культуры. А однажды повезло, сказочно повезло — встретила бывшую одноклассницу Лильку Цветкову. Встретила и обалдела — ничем не примечательная Лилька превратилась в роскошную, сногшибательную красавицу. Прическа, косметика, платье, туфли. Господи, и это Лилька? Даже не верилось.

Лилька тоже всегда хотела вырваться из поселка. Но это была совершенно другая история. Во-первых, у Лильки была семья: папаша — начальник цеха и мамаша — заведующая парикмахерской. Во-вторых, они не жили в бараке, а в отдельной квартире.

А в-третьих, Лилька прекрасно училась, везде успевала.

Что сравнивать несравнимые вещи — Милочкину жизнь и Лилькину?

Лилька тоже с интересом оглядывала ее. Правда, интерес быстро погас, уступив ме-

сто легкому сожалению — весь Милочкин вид этому сильно способствовал.

«Где ты? Как ты? Что ты?» — задавались обычные вопросы, исключительно из любопытства.

Лилька рассказала, что учится в Полиграфическом — она всегда хорошо рисовала, — живет бурно и весело, с компанией повезло. Ребята все солидные, из хороших семей. Ну и не бедные, «ты ж понимаешь!». Девчонки им под стать. Лилька снова скользнула взглядом по Милочке — с головы и до ног.

Милочка залилась бордовой краской от унижения и обиды. И еще — от злости. Так бы и послала эту Цветкову! Однако тут же сообразила: может, Лилька и есть тот самый ключ в ее новую, прекрасную жизнь? Чем черт не шутит?

Мозгов у Лильки не много — вряд ли сообразит, что Милочка ей будет соперницей. Да и самомненьице у нее — выше крыши! Как же, студентка!

И Милочка разлилась соловьем:

— Лилька, какая ты стала! Красавица просто. Нет, нет, конечно, ты всегда была хороша, но сейчас — расцвела! Расцвела, как майская роза, глаз от тебя не отвести, честное слово!

Ну Лилька зарделась — приятно, конечно, — и снизошла: